

ЭТНИЧЕСКАЯ «МЫ-КОНЦЕПЦИЯ» РУССКИХ ВОРОНЕЖЦЕВ (ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ 2011 г.)

Е. Ю. Красова

Воронежский государственный университет

К. И. Конго, независимый исследователь

А. Г. Буховец

Воронежский государственный аграрный университет

Поступила в редакцию 9 сентября 2011 г.

Аннотация: *представлен анализ этнического самосознания русских на основе данных регионального социологического исследования. Охарактеризованы закономерности и особенности этнических чувств, представлений и установок воронежцев. Кластерный анализ позволил выявить три группы респондентов, отражающих специфические составляющие этнической «Мы-концепции».*

Ключевые слова: *этническое самосознание, этническая идентификация, гражданская идентичность, автостереотипы, гетеростереотипы, социальная дистанция, межэтнические отношения, толерантность.*

Abstract: *an analysis of the ethnic self-consciousness of the Russians based on a regional sociological investigation has been presented. The regularities and peculiarities of ethnic feelings, notions and purposes of the Voronezh citizens have been characterized. A cluster analysis allowed distinguishing the three groups of respondents, which reflect the specific components of the ethnic «We-concept».*

Key words: *ethnic self-consciousness, ethnic self-identification, civil self-identity, autostereotypes, heterostereotypes, social distance, interethnic relations, tolerance.*

Глубинное, объединяющее народ начало называют по-разному: в западной традиции – этнической идентичностью, в отечественной этносоциологии – этническим самосознанием. Ключевым в заглавии настоящей статьи стало понятие «этническая Мы-концепция», в котором делается упор на чувстве единства, с помощью которого индивид отличает свою этническую группу от других. Между тем ученые разных областей знания и представители различных научных школ сходятся в том, что эта сложная достаточно устойчивая социально-психологическая конструкция содержит важные переживания личности и ее внутренние регуляторы, защищает от нестабильности окружающего мира, помогает ориентироваться в межэтнических взаимодействиях, а также является базовым ресурсом социальной общности, удовлетворяющим потребность в самобытности и принадлежности к определенному социокультурному пространству. Всё это формирует интерес исследователей к изучению специфики самосознания этносов, населяющих современную Россию [1–5 и др.].

Этническое самосознание является «квинтэссенцией» этничности человека. В этом состоит подход В. Ю. Хотинец, считающей, что этническое самосознание есть система представлений и оценок, этнодифференцирующих и этноинтегрирующих компонентов жизни этноса, благодаря которой человек осознает себя в качестве представителя этнической общности [6, с. 7, 88]. Как результат индивидуально- и группового творчества, этническое самосознание проявляется на трех уровнях – на уровне личности (этнофора), на уровне этноса в целом (общезнающий уровень) и на уровне отдельных социальных групп этноса (например, семьи или, как в нашем случае, городской общности) [7, с. 286].

Как пишет З. В. Сикевич, «этничность не существует вне сравнения и вне коммуникации, только в ходе взаимодействия с иной этнической группой она может проявить свою особость, «индивидуальность». Это основное проявление этничности, так как могут трансформироваться и культурные, и организационные характеристики группы, неизменной остается лишь дихотомия между членами данной общности (то есть «нами») и членами других общностей (то есть «не-нами»)» [8]. Акцентируем ситуацию: если срав-

нение «своих» с «другими» не перерастает в оценочное противостояние, оно имеет нейтральные характеристики, исключая ксенофобию или агрессию.

В структуре этноса выделяются три компонента – когнитивно-информационный, эмоционально-чувственный и поведенческий (мотивационно-побудительный)¹. Сформулирован ряд эмпирических индикаторов, позволяющих всесторонне изучить образ этнического «Я»:

1) этническая самоидентификация, включающая представление об этноконсолидирующих и этнодифференцирующих признаках;

2) совокупность модальных автостереотипов, установки, выявляющие направленность межэтнических отношений на уровне модальных гетеростереотипов;

3) социокультурные установки и оценки, определяющие отношение к своей культуре, языку, истории, традициям;

4) этнически обусловленные модальные ценности на уровне системы предпочтений, обуславливающие социальное поведение [10, с. 102].

Кроме того, важным методологическим ракурсом выступают идеи о социальных и культурных границах. Они стали основой концепции, разработанной норвежским социальным антропологом, сторонником конструктивистского подхода к анализу этноса, Ф. Бартом. «Интересующие нас границы – это, конечно, границы социальные, хотя у них могут быть и территориальные составляющие», – писал ученый [11, с. 17–18]. Им соответствует сложная организация социальных отношений и поведения. Если индивид ассоциирует другого индивида как члена своей группы, то предполагается наличие определенных, разделяемых ими двумя ценностей, знаний и оценок. Только те культурные характеристики, которым придается маркирующее значение, имеют первичную значимость для этноса и определяют масштабы культурной дистанции. Маркеры могут быть единичными или представлять собой набор, который является результатом исторических, политических, экономических условий и конкретных ситуаций. Взаимное социальное дистанцирование усиливается, если в образе «другого» содержатся негативно оцениваемые черты, что приводит к дискриминационному поведению представителей коренного населения, с одной стороны, и к актам агрессии, к социальной и пространственной сегрегации в рамках собственных этнических общин этнических меньшинств – с другой [12, с. 50].

¹ Нельзя согласиться с тем, что выделение поведенческого компонента является излишним расширением понятия «этническая идентичность», если мы рассматриваем его в широком контексте [9, с. 211]. Поведенческий аспект связан с формированием установок и построением стратегий межкультурного взаимодействия.

В 2000-х гг. в городе Воронеже проявилась тенденция актуализации этнического самосознания населения, а также роста ксенофобии и национализма. Об этом свидетельствуют факты нападения на иностранцев, символы нетерпимости и вражды – нацистские и расистские надписи и изображения на улицах города, наличие неприязненных чувств по отношению к другим народам у 82 % воронежцев, положительные отзывы некоторых молодежных и профессиональных групп о деятельности скинхэдов [13, 14]. Между тем в составе населения города 94 % представителей русского этноса, еще 3,3 % составляют родственные по культурным образцам украинцы и белорусы [15]. Неславянские народы, хотя и немногочисленны, но многообразны (более 20 этнических групп) и консолидированы, объединяются в сплоченные национальные общины. Экономическая нестабильность и значительный слой бедных или малообеспеченных людей, слабая регуляция миграционных перемещений и адаптации трудовых мигрантов в регионе и другие подобные обстоятельства создают благоприятную почву для роста этнического самосознания, увеличения социально-культурной дистанции между представителями разных этносов и формирования этнофобий.

Настоятельность изучения существенных проявлений самосознания этнического большинства, выявления его травмирующих факторов диктуется сложившейся противоречивой ситуацией. Социологическое исследование с такой целью было проведено на базе Воронежского государственного университета в 2011 г. Решались задачи изучения межэтнических установок воронежцев, основных критериев определения этничности, выявления оценок этнической самоидентификации, представлений об этноконсолидирующих и этнодифференцирующих признаках, обнаружения этнических автостереотипов и гетеростереотипов, социокультурных дистанций между представителями русского этноса и иных этнических групп. Использовался комплекс методов и процедур: анализ статистики и материалов схожих социологических исследований, анкетный опрос, контент-анализ, проективные техники, психосемантический анализ. Для массового опроса была рассчитана квотно-пропорциональная выборочная совокупность с учетом официальных статистических данных, включающая 350 респондентов, отобранных по признакам пола, возраста, уровня образования и материального положения. Обработка материала проводилась с использованием пакета программ SPSS.

Самоидентификация в структуре этноса

Согласно полученным данным, горожане условно разделяются на несколько групп, в зависимости от того, какой признак, по их мнению, является ключевым для определения национальности человека (рис. 1).

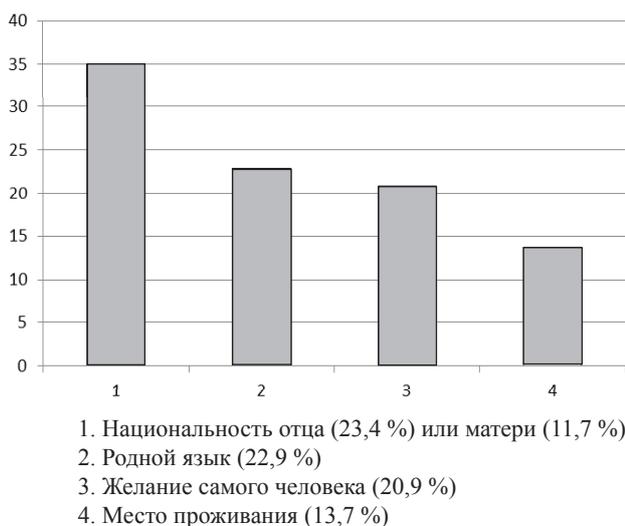

Рис. 1. Признаки определения национальности человека в оценках воронежцев

Более трети русских воронежцев воспринимают этнические различия как неизменные, по принципу «человек рождается с национальностью». Стереотипы об «этнической предопределенности» человека разделяются еще примерно четвертью респондентов, определяющих этничность человека по родному языку. Как видно, в этносознании русского населения г. Воронежа преобладают биосоциальные признаки принадлежности к этносу, в противовес признакам социально-политическим. Еще 14 % склоняются к мнению, что национальность определяется местом рождения. Чуть более пятой части всех опрошенных уверены, что национальность человека необходимо определять по его собственному желанию, утверждая тем самым приоритет прав личности перед групповыми нормами.

Самоидентификация является базовым компонентом этнического самосознания. На рис. 2 представлен комплекс идентификационных самоощущений воронежцев.

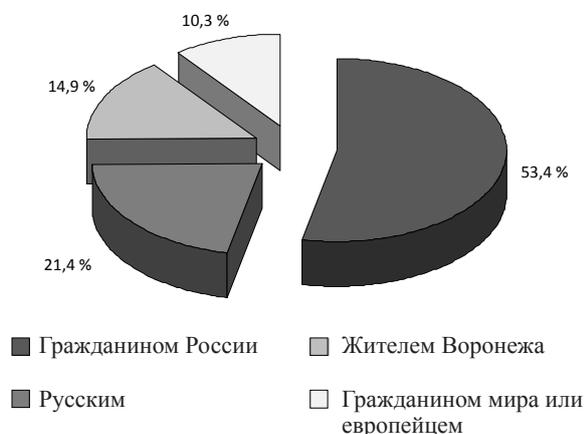

Рис. 2. Кем чувствует себя русский воронежец в большом мире

Более половины респондентов идентифицируют себя как представителей российской нации. У пятой части этническая идентичность выходит на первый план по сравнению с гражданским, национальным типом самоидентификации, они чувствуют себя прежде всего русскими. У 15 % обнаруживается «областническое» сознание («чувствую себя жителем Воронежа»), у них, скорее всего, превалирует категория «место рождения»². Остальные причисляют себя к европейцам или гражданам мира. Расширив типологию А. В. Арутюняна³, назовем четыре группы респондентов, определившихся по ключевому признаку этнического самосознания: россияне – 53,4 %; этнофоры – 21,4 %; регионалисты – 14,9 %; глобалисты – 10,3 %.

Вместе с тем, о важности этнической принадлежности для воронежцев и ее месте в системе других идентичностей сложно судить только по вышепредставленным данным. Степень выраженности этнического «Я» также косвенно связана с отношением людей к отсутствию графы «национальность» в современном российском паспорте. Этнически акцентированный человек будет явным противником исключения графы «национальность» из документа. Большинство нейтрально оценивают этот факт, либо не считая его важным, либо не владея содержательной стороной вопроса. В то же время пятая часть опрошенных хотела бы иметь в паспорте указание на национальность. Лишь 17 % высказывают однозначно положительное отношение к отсутствию подобной графы в документе. Этот небольшой штрих позволяет сомневаться в устойчивости гражданских позиций более половины участников опроса. Общероссийские и региональные исследования самосознания студенческой молодежи в 2006 г. также обнаружили примордиалистские составляющие в противовес постмодернистским, когда упор в первых делается на биосоциальных и социально-исторических факторах, а не на осознании гражданской ответственности [18–20].

Ответы на вопрос «Чувствуете ли Вы свою принадлежность к какой-либо национальности со своим языком, обычаями, традициями?» обнаруживают три группы респондентов по критерию выраженности самоидентификации:

1. Устойчивая этническая самоидентификация – 68 %.
2. Двойная (неустойчивая) этническая самоидентификация – 11 %.
3. Отсутствие этнической самоидентификации – 21 %.

² Явление «областнического сознания» было обнаружено в современной Испании, у населения которой чувство регионального единства заменяет идентификацию по этническому признаку [16].

³ В исследовании известного этносоциолога были выделены три группы – этнофоры, россияне, глобалисты [17].

Сопоставив эти данные с ответами респондентов о том, кем они чувствуют себя в большом мире, как относятся к отсутствию графы «национальность» в удостоверении личности, по каким признакам определяют этническую принадлежность человека, можно определить роль этничности в жизни русских воронежцев. Несмотря на то, что более половины опрошенных чувствуют себя гражданами России, сложно сделать вывод о том, что общегражданская идентичность становится более значимой по сравнению с этнической. В своем примордиальном значении этничность продолжает играть существенную роль в сознании, а формирование общегражданских чувств и ценностей характеризуется противоречивостью и неустойчивостью. Кроме того, вызывает беспокойство факт отсутствия эмоционально-чувственных ощущений принадлежности к определенной этнической группе у пятой части всех опрошенных, являющихся, судя по всему, представителями кризисного социума.

Представленная региональная картина вырисовывается в рамках широкого и узкого контекстов. Сочетание вызовов глобализации с модернизационными задачами страны нарушает единство национальных и цивилизационных компонентов российской идентичности [21, с. 101]. Возросшее этнокультурное разнообразие, связанное с интенсивными миграционными перемещениями, поддерживает и воспроизводит этническую идентичность в ущерб гражданской. Проблема, как справедливо указывает В. Мукомель, сфокусирована на социальных процессах этностратификации и сепарации иноэтничных мигрантов [22, с. 165].

Образы «своей» и «чужих» этнических общностей

К эмоциональным компонентам этнической «Мы-концепции» относятся также автостереотипы и гетеростереотипы, т.е. представления о «своей» и «чужих» группах. Этнические автостереотипы выявлялись посредством системы свободных характеристик, полученных в форме ответов на открытый вопрос: «Назовите, пожалуйста, три самых главных качества, которые, по Вашему мнению, присущи большинству русских». Респондент составлял образ представителя своего этноса, предлагал набор черт, присущих русскому национальному характеру. Обработка ответов производилась методом контент-анализа, единицей которого стали упомянутые респондентами качества и оценочные суждения. Все они были проанализированы и отнесены к одной из девяти смысловых категорий (общий стиль поведения, стиль деятельности, отношение к людям, отношение к себе, волевые качества, качества ума, эмоциональ-

ные качества, социальное поведение, ментальные характеристики)⁴.

Было получено 642 ответа, из них абсолютное большинство имело положительную направленность. В табл. 1 представлена структура образа русского в сознании воронежцев, причем конкретные качества фиксируются в том случае, если были названы не менее десяти раз.

Т а б л и ц а 1

Структура автостереотипов русских воронежцев

Категория	Автостереотип	
	Положительный	Отрицательный
Общий стиль поведения	Доброта, простодушие, открытость, честность, терпимость	
Общий стиль деятельности	Трудолюбие	Лень, непредсказуемость
Отношение к людям	Доброжелательность, гостеприимство, общительность, отзывчивость	Наивная доверчивость, легковерие
Качества воли	Смелость, мужество, сила, терпение, выдержка	
Социальные характеристики		Пьянство
Ментальные характеристики	Широта души	

Чаще всего назывались качества, относящиеся к рубрике «Отношение к людям» (27 %), что, по-видимому, является ядром стереотипного образа русского. На периферию вышли эмоциональные качества и качества ума. Большинство русских воронежцев имеют положительное представление о своей этнической группе. Среди положительных автостереотипов абсолютным приоритетом стала доброта. Часто также упоминались выносливость, верность, щедрость, самоотверженность, стойкость.

Известно, что негативная этническая идентичность формируется тогда, когда чувство принадлежности к своей этнической группе сопровождается негативными переживаниями и стремлением дистанцироваться от инокультурной среды. У части опрошенных (25,5 %) русские ассоциируются либо с отрицательными характеристиками (жадность, безответственность, скандальность и т.п.), либо с достаточно критичными (безалаберность, непунктуальность и др.). Они и являются носителями негативной этнической идентичности, группой риска

⁴ Использовалась классификация, разработанная В. Н. Панферовым и успешно примененная в исследовании этносознания петербуржцев [23, с. 220–221].

с ослабленными ощущениями психологической безопасности и стабильности, самоуважения и самооценности.

Этническое самосознание включает эмоционально-оценочное отношение к инокультурным социальным группам. Для выявления конкретных стереотипов участникам опроса предложили представить, что им предстоит участвовать в эксперименте по подготовке космических полетов на Марс. По условиям проекта в команде из пяти человек люди разных национальностей. Нужно ответить на вопросы: «С кем бы хотелось вместе работать? Кого бы не хотелось включать в команду?» и объяснить почему. С

помощью такой воображаемой ситуации появилась возможность получить информацию о негативных гетеростереотипах, одновременно не формируя установку на враждебность, не травмируя этнические чувства.

В табл. 2 представлены оригинальные ответы респондентов на вопросы проективной ситуации. Высказывания разбиты на четыре категории, в зависимости от установок респондентов на межэтническое общение.

Высокий уровень симпатий у русских горожан вызывают, в первую очередь, славянские народы, европейцы (больше всего немцы) и представители

Т а б л и ц а 2

Оригинальные ответы респондентов на вопросы проективной ситуации

Категория	Процент
1	2
Этнические симпатии	39
<i>Славянские народы</i>	40
«Они порядочные, добрые»; «они ближе и проще»; «близки по духу, культуре, религии, по происхождению, обычаям»; «у нас общие корни»; «полетел бы с украинцем, чтобы было с кем спорить»; «белорус родной»; «самые надежные люди»; «славяне соблюдают заповеди Божьи и никогда не сделают ничего плохого»; «они, как и мы, русские, трудолюбивые и ответственные»	
<i>Европейские народы</i>	36
«Более схожий менталитет, они дружелюбны по отношению к нашей нации»; «у них высокая трудовая культура»; «они ближе к русским по духу, религиозным взглядам, обычаям»; «это самые культурные нации»; «они пунктуальные, точные и творческие работники, с достаточно близким темпераментом, способны давать результат, практичные»; «они исполнительные и стойкие»; «они очень умные»	
<i>Представители азиатских стран</i>	24
«Они трудолюбивые и ответственные»; «очень умные»; «у них высокое знание предмета»; «высокая трудовая культура»; «они хорошие техники»; «они целеустремленные и исполнительные, с нестандартным подходом»; «они пунктуальные со своей философией»	
Этнические антипатии	27
<i>Народы Кавказа</i>	39
«Просто не нравятся»; «из-за темперамента – дело точно закончилось бы дракой»; «слишком большого мнения о себе»; «у них мало желаний работать на благо общества»; «склонные к измене и предательству»; «агрессивные народы, не открытые, способные на предательство»; «у них кровная месть»; «вызывают отвращение»; «очень непорядочные люди, ненавижу их»; «очень хитрые, опасны своей агрессивностью»; «не сработаемся»; «они ленивые и безответственные»; «они неуравновешенные и вспыльчивые»	
<i>Арабские народы</i>	26
«Мы очень разные»; «они мне несимпатичны по религии, обычаям, законам»; «пропасть в менталитетах почти невозможно сгладить»; «от них жди чего-нибудь агрессивного и жестокого», «они слушают только себя и считают себя выше других»; «нас христиан называют «грязными», «неверными»; «нечистоплотные»; «совершенно другое восприятие мира, другие понятия»; «агрессивная вера и неприязнь к другим верам»	
<i>Азиатские народы</i>	19
«По религиозным причинам, по образу жизни, по отношению к женщинам»; «они нечистоплотные, глупые»; «из-за особенностей поведения»; «они непонятные»; «их слишком много в России»	

1	2
<i>Евреи</i>	16
«В силу личного антисемитизма»; «по антисемитским соображениям»; «они расчетливые, хитрые, ненадежные»; «личная неприязнь»; «они любят командовать, корыстны и отличаются узостью мышления»; «не люблю по анекдотам»	
Толерантные установки	22
«Каждая нация по-своему хороша и особенна»; «участвовать могут люди разных национальностей, но они должны быть коммуникабельны, образованы, воспитаны»; «со всеми бы хотела работать»; «национальность не имеет значения, главное чтобы люди были хорошие, интересные, добрые, понимающие, с чувством юмора», «приоритет имеют качества людей», «главное профессионализм и психологическая совместимость», «главное компетентность»; «главное знание языка», «главное сойтись характером»; «кто придется по душе»; «с близкими по духу; эти люди должны быть внутренне сознательными и устойчивыми к влиянию среды»; «лишь бы человек был не скандальный и хороший специалист»; «без разницы, деление на национальность – это архаизм, ведущий к вражде на пустом месте»; «того, что нет в русских людях, есть в других, мы дополняем друг друга»; «приспособливаться нужно в любом случае»	
Изоляционистские установки	7
«С русскими! Не хотелось бы с другими расами»; «с русскими, не доверяю другим национальностям»; «русский должен быть первым»; «только с русскими»; «своих – русских»; «не допустим геноцида русского народа!»; «других не понимаю»	
Другое	5

Азии (японцы, китайцы). Любопытен факт симпатий русских к японцам. Учеными на основании контрольных интервью в Санкт-Петербурге этот факт интерпретировался следующим образом: они чужие, но симпатичны своим динамичным и успешным послевоенным «прыжком» в модернизированное экономически процветающее общество без потери своего «культурного лица» – обычаев, традиций, стиля жизни [24, с. 146].

Если вернуться к гетеростереотипным представлениям, обнаруженным в воронежском исследовании, то 27 % респондентов имеют предубеждения против представителей других народов, еще 7 % – откровенно враждебны. Анализ высказываний показывает, что независимо от того, какой этнос вызывает неприязнь, приписываемые его представителям качества зачастую одни и те же (хитрость, агрессивность, нечистоплотность и т.п.). Этот факт был зафиксирован и в других исследованиях. Характерологические признаки «врага» являются как бы зеркальным отражением «нас самих», а русская ксенофобия носит оборонительный характер [24, с. 226–227]. Подтверждение данному выводу можно найти в результатах психосемантического анализа высказываний жителей г. Воронежа. Отрицательные суждения не носят агрессивного характера, так как не используются слова отчуждения (к примеру, неопределенные местоимения), военная терминология, семантика смерти, сарказм или грубые метафоры. Скорее, они сенситивного толка, что отражается:

– в усилительных конструкциях («слишком жестокие», «слишком корыстные», «слишком аг-

рессивная вера», «совершенно другое восприятие мира» и т.п.);

– в конструкциях, содержащих отрицание («не о чем с ними разговаривать», «не люблю их», «не хочу с ними участвовать в проекте» и т.п.).

Ответы в категории «Другое» демонстрировали, в основном, растерянность перед сложным вопросом («не хочу участвовать в эксперименте», «не надо лететь в космос», «не задумывалась никогда на эту тему», «ни с кем бы не полетела» и т.п.). В двух случаях участницы опроса отказали в доверии представителям своей этнической группы («со всеми, кроме русских», «не взяла бы русских»). Это были женщины молодого и пожилого возраста, со среднетехническим образованием, у которых сложилось представление о русских как о жадных, непорядочных, непостоянных людях.

Важно отметить, что религиозный фактор разобщенности имеет значение лишь для 7 % воронежцев, что совпадает с количеством этноцентрически настроенных людей. Интересно также, что в том случае, если респондент основывался в своих предпочтениях или антипатиях на глубокой рациональной основе, его рассуждения были более подробными и аргументированными. В тех же случаях, когда человек не мог сам себе объяснить, в чем причина его враждебности, он ограничивался штампами или абстракциями («они страшные», «нет привычки и ночью можно испугаться силуэта», «сами понимаете почему» и т.п.). Это есть «конечный продукт» современных российских публично-политических дискуссий и мифодизайна

СМИ, преувеличивающих значение этничности. Так, в масс-медиа используются маркеры ксенофобии: в отличие от отношения к «другому», основной эмоцией в восприятии «чужого» является неприятие [25, с. 1]. Например, вот как выглядит «чужой» в периодических изданиях «Аргументы и факты», «Российская газета», «Труд», «Московский комсомолец», «Комсомольская правда» и др. (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Обозначение этнически «чужого» в общероссийской прессе*

Компоненты образа	Лексические маркеры
Иной национальности	Иностранцы, лица азиатской или кавказской национальности, азиаты
С иной внешностью и характерными чертами	Темнокожие, человек нетитульной наружности, люди с «восточным акцентом»
С иной территории	Парни с юга, нелегалы, выходцы с Поднебесной, приезжие, гастарбайтеры
С низким интеллектуальным уровнем	Чурбаны, чурки

* См. [25, с. 2].

Толерантное отношение предполагает мотивационный выбор в пользу «персонализации», не осуждение поведения мнения или верования, а уважение к личности их носителя. Оно характеризуется терпимым отношением к представителям других культур без враждебности. 22 % опрошенных русских воронежцев продемонстрировали подобные постмодернистские установки и ценности.

Характеристика социокультурных дистанций

Мотивационно-побудительным компонентом этнического самосознания является субъективно осознаваемая и переживаемая социально-культурная дистанция, которая выстраивается в процессе межэтнического взаимодействия. Следует отметить, что более половины русских горожан достаточно активно контактируют с представителями других культур: среди их друзей и знакомых есть представители других национальностей (38 этнических групп). Чаще всего это близкое взаимодействие с украинцами (25 %), армянами (14 %) и евреями (13 %). Чуть реже – с белорусами (8 %), татарами (6 %), грузинами (6 %). Остальные упоминания связаны с представителями тех народов, которые когда-то входили в состав СССР или давно живут на территории Воронежской области. У трети контакты характеризуются этническим разнообразием.

43 % опрошенных формируют дружеские отношения исключительно в своей этнической среде. Вполне вероятно, что отсутствие личного опыта близкого общения с представителями иных культур,

если к тому же оно усугублено недостатком образованности, создает сложности восприятия, усугубляя его иллюзорность и неадекватность. Было доказано, например, что воспринимаемая несовместимость собственных целей и целей другой стороны – главный признак определения ситуации взаимодействия как конфликтной [26, с. 172–173]. Так проявляет себя здравый смысл «простых людей», ощущающих «угрозу» и необходимость «защиты» и «мобилизации».

Социальные дистанции, которые люди выстраивают между своей и чужой группой, ранжируются на основе критериев условной шкалы симпатий-антипатий. Толерантные умонастроения могут проявляться не только в уважении и интересе к «инаковости», но и в стоическом приятии, безразличии и даже отстраненности [27, с. 25–27]. Признаками толерантного отношения стали взаимодополняющие друг друга параметры фиксации внимания на национальности окружающих и приближение к семейному кругу межличностной коммуникации (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Степень терпимого отношения к инонациональным группам, %

Индикатор	Обращаете ли Вы внимание на национальность окружающих?		Как бы Вы отнеслись к браку близкого родственника с представителем другой национальности?	
	альтернатива	%	альтернатива	%
Высокая степень терпимости			Положительно	19,5
Отсутствие нетерпимости	Обычно не обращаю	39,0	Мне всё равно	30,5
Наличие нетерпимости	Обращаю, если они мне чем-то несимпатичны	31,5	В зависимости от национальности (жениха, невесты)	34,0
Высокая степень нетерпимости	Обращаю в любом случае	26,5	Отрицательно	16,0

Как видно, русские воронежцы делятся на две примерно равные группы, одна из которых толерантна, другая – проявляет в межкультурном восприятии нетерпимость разной степени. Что касается интолерантного сознания, у его носителей, скорее всего, отсутствуют уравновешенные, спокойные переживания своей и чужой этничности.

В ходе исследования изучались представления респондентов об этноконсолидирующих и этнодифференцирующих признаках (что больше всего роднит людей одной национальности, а что больше всего отличает). Респонденты имели возможность выбрать до трех из восьми предложенных индикаторов (культура, традиции, обычаи; родной язык; черты харак-

тера, особенности поведения; территория, общая земля; историческое прошлое, религия, образ жизни). И в первом случае (консолидация), и во втором (дифференциация) участники опроса акцентировали внимание на социокультурных факторах. Отличительным признаком «нас» от «не-нас» в этносознании русских воронежцев выступает язык (61%), культура, традиции, обычаи (59%), внешность (44%), черты характера и особенности поведения (29%). При этом территория проживания и историческое прошлое больше объединяет людей, чем разъединяет, в то время как внешность и поведение дифференцируют. Для отнесения человека к «другой» этнической группе ключевыми являются язык, на котором он говорит, соблюдаемые им обычаи, внешний вид и специфика поведения. Линия социокультурной дистанции в сознании русских воронежцев проходит по этим маркерам. Заметим, что практически все эти компоненты образа «чужого», как отмечено выше, презентуются в СМИ.

Выявлена корреляционная зависимость (коэффициент Пирсона = 0,014) между возрастом индивида и оценкой роли религии как этнодифференцирующего фактора. Люди старшего возраста в большей мере склонны придавать особое символическое значение религии. Она является одним из маркеров социокультурной границы между «своей» и «чужой» этнической группой в этносознании этой части населения.

Трансляция этнической культуры

В группу рациональных компонентов этносознания индивида входят знания о традициях, обычаях, элементах культуры. На рис. 3 представлены данные о знании и соблюдении присущих для русских традиций и обычаев.

Значительная часть респондентов (67%) считает, что русские в той или иной степени знают традиции

своего народа, а 55,5% – соблюдают их в полной мере или частично. При этом четвертая часть ответивших затрудняется оценить как уровень знаний о народных традициях, так и степень того, насколько они соблюдаются. Кроме того, каждый десятый не знает народного наследия, а четверть не соблюдает или соблюдает очень редко традиции своей этнической группы. Сложно утверждать, что традиции и обычаи играют существенную роль в развитии самосознания. Если уровень знаний о традициях оценивается высоко, то степень их соблюдения пятая часть респондентов оценивает как «чаще не соблюдаю» или «совсем не соблюдаю». Более того, пятая часть респондентов с трудом дает оценку роли этнических традиций в их жизни. Отметим, что вопросы знания и соблюдения традиций относятся к категории «престижных» вопросов, на которые чаще всего дается социально одобряемый ответ. По сложившейся картине можно предположить, что народные традиции и обычаи не играют существенной роли в том социокультурном пространстве, где происходит формирование этнического самосознания русских воронежцев.

Типологические особенности «Мы-концепции»

Массив данных, полученный в ходе эмпирического исследования, был проанализирован в рамках типологического кластерного анализа⁵. Выделенные кластеры характеризуют классы условий, в которых формируются эти типы, и представляют краткое описание характеристик некоторых категорий людей. В качестве классификационных (типообразующих) показателей были взяты признаки определения национальности человека и значимости этничности в его жизни, этническая самоидентификация и этноконтактность, а также социально-демографические характеристики – пол, возраст, этнический статус, об-

⁵ См. подробнее [28].

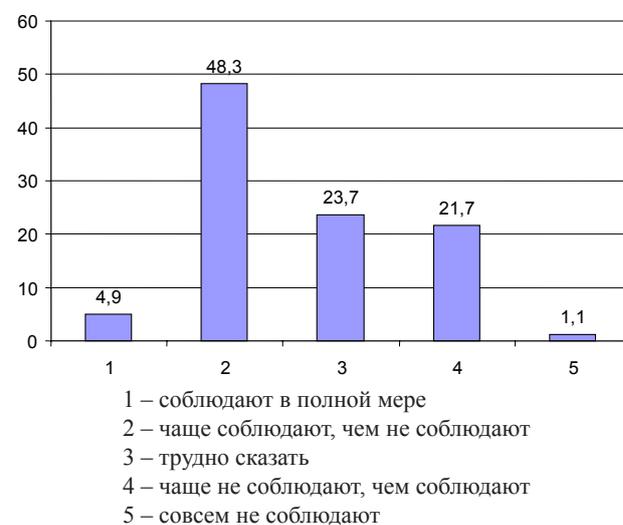
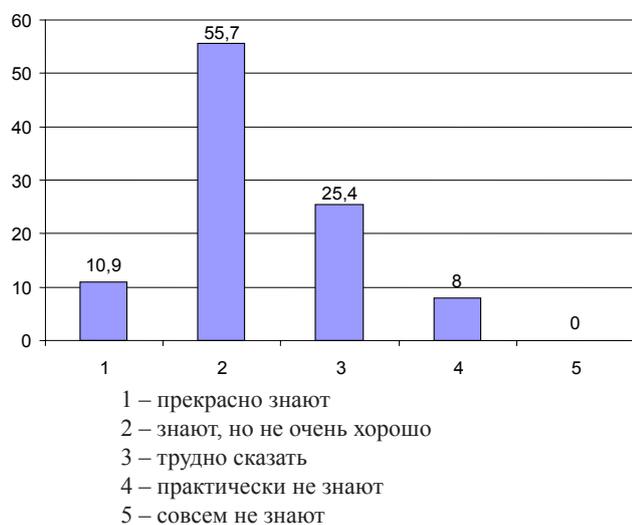

Рис. 3. Знание и соблюдение традиций и обычаев русскими жителями г. Воронежа (%)

разование и материальное положение. Кроме того, остальные признаки использовались для целей интерпретации. В качестве меры близости между объектами было взято Log-правдоподобие. Для построения классификационных разбиений был использован двухэтапный кластерный анализ на базе программы SPSS Statistics Base 17.0. Число кластеров в окончательном варианте типологического анализа равнялось трем.

Несмотря на то, что в процессе обработки данных практически не выявлено значимых корреляционных зависимостей между особенностями этнического сознания и полом, возрастом, а также уровнем образования респондентов, использование кластерного анализа позволило выделить в массиве многомерных данных некоторую структуру, отражающую неоднородность этнического сознания. Выделенные в ходе исследования три кластера представляют однородные группы респондентов со схожими характеристиками, которые демонстрируют примерно одинаковый тип поведения. При этом однородность объектов, составляющих выделенные кластеры, значительно выше, нежели всего массива в целом. В связи с этим очевидно, что и пропагандистско-воспитательная деятельность, направленная на каждую из групп, не может быть одинаковой. Да и реакция представителей различных групп на одни и те же события будет различной. Каковы же отличительные особенности в этнической «Мы-концепции» воронежцев, попавших в разные кластеры?

Первый кластер практически полностью состоит из мужчин без высшего образования, половина которых имеют возраст до 45 лет. Среди них доля тех, кто имеет этническую идентификацию, гораздо больше, чем в других кластерах («этнофоры»). Позиционируют этот класс выделение национальности отца, матери и родного языка как главных признаков в этническом самоопределении. Половина всех респондентов, выбравших ответ «отрицательно относиться к тому, что в российском паспорте отсутствует графа «национальность», – это представители первого кластера. Следует отметить, что активные участники имевших в последнее время в Воронеже проявлений ксенофобии и национализма отличались подобными характеристиками этноса. В частности, примерно такой состав весьма характерен для воронежских футбольных фан-клубов. Поэтому разработка мер, направленных на профилактику и противодействие экстремизму, должна в первую очередь учитывать специфику сознания именно этого кластера, ориентироваться на представителей этой страты.

Второй кластер – гендерно уравновешенный, включает 84 % респондентов, имеющих высшее образование, материально обеспеченных в большей

мере, чем представители первого и второго кластеров (среди них нет таких, которым денег не хватает на продукты питания; они имеют достаточное количество денег, а покупка товаров длительного пользования затруднений не вызывает). Это люди в основном моложе 45 лет. Важными признаками данной группы является определение национальности по желанию самого человека и месту проживания, положительное отношение к отсутствию этнической маркировки в документе, удостоверяющем личность, а также высокая этноконтактность. Представители этого кластера наиболее активны в проявлении межэтнической толерантности и в некотором смысле по профилю этноса самосознания противоположны представителям первого кластера. По удельному весу в генеральной совокупности этот кластер как бы уравнивает первый, и его наличие в значительной мере позволяет надеяться на дальнейшее улучшение обстановки, связанной с конфликтогенными проявлениями межэтнических отношений.

Третий кластер – стопроцентно женский, включающий в основном людей старшего и пожилого возраста, более половины по своему социально-экономическому статусу относятся к категории «бедных» (больше всего тех, кому денег не хватает на продукты питания или хватает на недорогие продукты, но покупка одежды вызывает затруднения). Они считают себя гражданами России и жителями г. Воронежа («россияне» и «регионалисты»). Почти половина принадлежащих к этой группе не имеет друзей и знакомых среди представителей другой этничности. Их жизненные установки и ценностные ориентации были сформированы еще в советские времена – в этом кластере сравнительно мал процент молодежи. Фактически эта группа наименее активна в исследуемых вопросах этнического самосознания, индифферентна в межэтнических отношениях.

Несмотря на то, что во всех трех выявленных кластерах количество людей со слабо выработанной социальной позицией значительно (их ответы чаще смещаются к нейтральным характеристикам – о графе в паспорте, о знании и соблюдении обычаев и традиций и пр.), представители второго кластера активнее относятся к социально-политическим вопросам. Косвенным образом можно предположить, что они вполне осмысленно поддерживают современную национальную политику Российского государства.

В кластерах, где произошло разделение по гендерному признаку (первый и третий), противоречивость проявлений этнического самосознания наиболее выражена. И, наоборот, во втором кластере, где имеет место гармоничное сочетание представителей различных полов, такая проблемность практически отсутствует.

Всё это следует учитывать в дальнейшей работе по формированию таких черт этноса, как гражданская идентичность и толерантность. Соответственно, и основные формы работы, направленные на представителей первого кластера, которые можно рекомендовать, связаны с активным преодолением враждебных предрассудков и националистических форм поведения с помощью использования правовых механизмов. Что касается второго и третьего кластеров, то эффективны будут мероприятия, направленные на формирование в городе определенной социальной инфраструктуры. Активность представителей второго кластера следует поддерживать и развивать.

Итак, в современной России, где происходят не только этноструктурные трансформации, но и становление политики мультикультурализма, стоят задачи создания коммуникативного пространства толерантных отношений между многочисленными этническими общностями, проживающими на ее территории. Сложившиеся ценности и установки этнической «Мы-концепции» оказывают существенное влияние на социальную среду, формируя в ней либо комфортную доброжелательную атмосферу продуктивной жизни разных этносов, либо конфликтный потенциал.

Исследование показало, что система этнического самосознания русских воронежцев в меняющихся условиях жизни социально поляризованного и конкурентного общества характеризуется неустойчивостью и размытостью. Это проявляется в неопределенности оценок важных аспектов жизни (таких как отражение этнического статуса в удостоверении личности человека или роли народных обычаев и традиций), а также в иллюзорности мышления, когда складывающиеся представления об инокультурных группах основаны на воображаемой реальности, а не на фактах, доступных жизненному опыту.

В. А. Тишков, имея в виду этническую границу, конституирующую группу, заметил, что «подавляющее большинство членов группы ложится спать и встает не с вопросами «кто мы?» – русские, татары, чуваша или чеченцы, если, конечно, на их дома не падают бомбы по причине именно подобных вопросов» [29, с. 120–121]. Тем не менее, наши изыскания выявили значительную актуализацию этнической компоненты в жизни русских воронежцев, живущих в достаточно однородной и неконфликтной среде. Большинство обращает внимание на этническую принадлежность человека в общении. Кроме того, часть русских жителей хотела бы зафиксировать национальность в российском паспорте.

В сознании русских г. Воронежа сильны примордиалистские взгляды на этническую принадлежность, как на врожденную характеристику человека.

Преобладание биосоциальных признаков этничности в противовес социально-политическим соответствует распространенности простейших форм поддержания чувства близости с родственной группой. Не исключено, что такая подпитка подменяет гражданскую идентичность. Несмотря на то, что более половины опрошенных идентифицирует себя как граждане России, немало и тех, у кого отсутствует какая-либо идентификация или этническая идентичность приобретает негативные черты. Доля людей с ущемленным сознанием, основу которого составляют самоуничижительные характеристики своего этноса с отрицательными установками на общение с другими народами, достигает трети русского населения. В то же время маркеры разобщенности скорее имеют архаическое, основанное на коллективном бессознательном, нежели социально-политическое свойство: людей зачастую разъединяют внешность и особенности поведения представителей других культур.

Толерантность, как основная ценность гражданского общества, по меткому замечанию М. Уолцера, базируется на отсутствии постоянной составляющей в местоимениях «мы» и «они» [27, с. 104]. К сожалению, Воронеж еще далек от этой идеальной модели постмодернистского общества, основанной на индивидуальной свободе. Культурные дистанции, выстраиваемые в этносазнании половины русских жителей, по своему масштабу и содержанию довольно велики.

Высокой степенью толерантности сознания обладают чуть больше четвертой части воронежцев: они декларируют ценность человеческой личности, у них отсутствует образ врага, они терпимы к иным взглядам и ориентируются на доброжелательные отношения к людям других культур. Черты, которые приписываются представителям «своей» этнической группы, имеют в основном положительные коннотации.

Общая картина этнического самосознания русских воронежцев была конкретизирована в ходе типологического анализа. Выделилась акцентированная группа с сильно выраженной стереотипизованностью мышления. В нее входят мужчины молодого возраста с невысоким уровнем образования. Представляется, что эта часть населения характеризуется первичным уровнем развития этносазнания и требует особого внимания со стороны агентов социализации. В состав второй группы входят высокообразованные и материально обеспеченные люди активного возраста. Они отличаются демократичностью взглядов на природу этничности, среди них происходит формирование гражданской идентичности при сохранении этнической самоидентификации. Вероятнее всего, они имеют высокий уровень этносазнания, в

котором преобладают мотивы общественной направленности. Еще одна – чисто женская группа – отличается возрастом выше среднего, низким социоэкономическим статусом, а также замкнутостью в своей этнической среде.

Дальнейшие исследования следует строить в русле гендерного анализа с учетом полученной типологии. Отдельной диагностики также требует изучение структуры той группы воронежцев, где преобладают мужчины молодого возраста без высшего образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнян Ю. Об этнических компонентах российской идентичности / Ю. Арутюнян // Социол. исслед. – 2009. – № 6. – С. 38–44.
2. Арутюнян Ю. Русский этнос : демографические изменения и востребованность межэтнической интеграции / Ю. Арутюнян // Социол. исслед. – 2010. – № 2. – С. 42–49.
3. Дробижева Л. М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде / Л. М. Дробижева // Социол. исслед. – 2010. – № 12. – С. 49–59.
4. Кригер Г. Н. Факторная структура этнического самосознания представителей телеутского, русского и татарского этносов / Г. Н. Кригер // Сибирский психологический журнал. – 2007. – № 25. – С. 148–150.
5. Сабирова Г. Этническое самосознание в социокультурном контексте провинциального региона / Г. Сабирова. – Режим доступа: <http://www.regioncentre.ru/resources/books/drug/drug10/> (дата обращения: 1.08.2011).
6. Хотинец В. Ю. Этническое самосознание / В. Ю. Хотинец. – СПб. : Алетей, 2000. – 235 с.
7. Налчаджян А. А. Этнопсихология / А. А. Налчаджян. – СПб. : Питер, 2004. – 381 с.
8. Сикевич З. В. О соотношении этнического и социального / З. В. Сикевич // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – Т. II, вып. 2. – С. 70. – Режим доступа: http://read.newlibrary.ru/read/sikevich_z_v_/page0/o_sootnoshenii_yetnicheskogo_i_socialnogo.html (дата обращения: 14.08.2011).
9. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. – М. : ИП РАН, Академический Проект, Екатеринбург : Деловая книга, 2000. – 320 с.
10. Сикевич З. В. Социология и психология национальных отношений / З. В. Сикевич. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 1999. – 203 с.
11. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта ; пер. с англ. И. Пильщикова. – М. : Новое изд-во, 2006. – 198 с.
12. Титов В. Н. Формирование прессой образа этнического иммигранта (взгляд социолога) / В. Н. Титов // Социол. исслед. – 2003. – № 11. – С. 41–50.
13. Ежемесячный бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу / Ин-т общественного мнения «Квалитас». – 2004. – № 3. – С. 14–16.
14. Никитина А. Воронеж отчищается от символов вражды / А. Никитина, А. Назарова // Международная сеть – молодежное правозащитное движение. – 2008. – 14 авг. – Режим доступа: http://www.yhrm.org/news/regions/voronezhskaya_oblast/voronezh_ochishchaetsya_ot_simvolov_vrazhdy (дата обращения: 10.03.2011).
15. Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации – Всероссийская перепись населения 2002 г. – Режим доступа: http://www.perepis2002.ru/ct/html/TOM_14_25.htm (дата обращения: 25.03.2011).
16. Кожановский А. Н. Испания : этнический фактор и административные границы / А. Н. Кожановский // Обществен. науки и современность. – 2002. – № 6. – С. 78–89.
17. Арутюнян Ю. В. Русский этнос : демографические изменения и востребованность межэтнической интеграции / Ю. В. Арутюнян // Социол. исслед. – 2010. – № 2. – С. 42–49.
18. Арутюнова Е. М. Российская идентичность в представлении московских студентов / Е. М. Арутюнова // Социол. исслед. – 2007. – № 8. – С. 77–85.
19. Красова Е. Ю. Образ России в восприятии воронежских студентов / Е. Ю. Красова // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология и социология. – 2008. – № 2. – С. 71–83.
20. Россия великая держава? // Данные всероссийского опроса ВЦИОМ, январь, 2006 г. – Режим доступа: http://wciom.ru/no_cache/arkhiv/tematicheskiiarkhiv/item/single/3895.html?cHash=cb08027132&print=1 (дата обращения: 26.08.2008).
21. Семенов И. С. Культурные факторы и механизмы формирования российской национально-цивилизационной идентичности на рубеже XXI в. / И. С. Семенов // Полит. исслед. – 2004. – № 1. – С. 101–114.
22. Мукомель В. Методические и практические аспекты изучения интеграции иммигрантов : специфика постсоветского пространства / В. Мукомель // Методология и методы изучения миграционных процессов : междисциплинарное учеб. пособие / под ред. Ж. Зайончковской [и др.]. – М. : Центр миграционных исследований, 2007. – С. 142–170. – Режим доступа: <http://migrocenter.ru/publ/pdf/method.pdf> (дата обращения: 05.04.2011).
23. Сикевич З. В. Социологическое исследование : практическое руководство / З. В. Сикевич. – СПб. : Питер, 2005. – 320 с.
24. Сикевич З. В. Социальное бессознательное / З. В. Сикевич, О. К. Крокинская, Ю. А. Поссель. – СПб. : Питер, 2005. – 267 с.
25. Иссерс О. С. Языковые маркеры этнической ксенофобии : (на материале российской прессы) / О. С. Иссерс, М. Х. Рахимбергенова // Полит. лингвистика. – 2008. – № 3. – С. 1–6.

26. См. : Гришина Н. В. Психология конфликта / Н. В. Гришина. – СПб. : Питер, 2003. – 464 с.

27. Уолцер М. О терпимости / М. Уолцер ; пер. с англ. И. Мюрнберг. – М. : Идея-Пресс : Дом интеллектуальной книги, 2000. – 160 с.

28. Типология и классификация в социологических исследованиях. – М. : Наука, 1982. – 296 с.

29. Тишков В. А. Реквием по этносу : исследования по социально-культурной антропологии / В. А. Тишков. – М. : Наука, 2003. – 544 с.

Воронежский государственный университет

*Красова Е. Ю., кандидат исторических наук, доцент
кафедры социологии и политологии*

E-mail: soc@hist.vsu.ru

Тел.: 8(473) 221-27-43

Voronezh State University

Krasova E. Yu., Candidate of History, Associate Professor of the Sociology and Political Studies Department

E-mail: soc@hist.vsu.ru

Tel.: 8(473) 221-27-43

Конго К. И., независимый исследователь

E-mail: kenga@rambler.ru

Тел.: 8(473) 243-81-89

Kongo K. I., Independent Investigator

E-mail: kenga@rambler.ru

Tel.: 8(473) 243-81-89

Воронежский государственный аграрный университет

*Буховец А. Г., доктор технических наук, профессор
кафедры прикладной математики и математических
методов в экономике*

E-mail: abuhovets@mail.ru

Тел.: 8(473) 275-30-96

Voronezh State Agrarian University

Bukhovets A. G., Doctor of Technical Sciences, Professor of the Applied Mathematics Department and Mathematical Methods in the Economy

E-mail: abuhovets@mail.ru

Tel.: 8(473) 275-30-96